

НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

РЕЦЕССИЯ В ЭКОНОМИКЕ экс-СССР: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Журавлев С.Н.

(Москва)

Сделана попытка отделить чисто конъюнктурные факторы спада в экономике, связанные с кризисом в системе управления ею, от долговременных, обусловленных деградацией производственного аппарата и "тупиковым" путем развития структуры производства в последние полтора десятилетия. Проведен количественный анализ некоторых ключевых особенностей бывшей советской экономики, позволяющий судить о глубине "кризиса реструктуризации", который будет сопровождать ее пост-тоталитарное переустройство. Рассматриваются контрмеры, способные смягчить социальные издержки трансформации структуры производства в этот период.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЭПОХИ ПОСТСОЦИАЛИЗМА КАК ЧЕРЕДОВАНИЕ СМЕНЯЮЩИХ ДРУГ ДРУГА СТАБИЛИЗАЦИОННЫХ И АНТИРЕЦЕССИОННЫХ ЭПИЗОДОВ

Наметившееся в 1990 г. и отчетливо обозначившееся в 1991 г. снижение объемов производства ненадолго привлекло общественное внимание. Только на короткое время весной 1991 г. совершенно явный спад в экономике стал предметом серьезной озабоченности тогдашних руководителей СССР, отреагировавших на него очередной, не рассчитанной на выполнение, программой, на этот раз названной антикризисной. Кроме того, падение производства оказалось главным козырем в борьбе за власть радикально настроенных реформаторов, уверенно предсказывавших в случае дальнейшего промедления если не смерть, то по крайней мере голодную и холодную зиму и одновременно многомиллионную безработицу.

Но вскоре тему падения производства, или рецессии, потеснили более грозные и близкие признаки надвигающейся хозяйственной катастрофы. Сначала это было внешнеэкономическое банкротство страны, ставшее вместе с усиливавшимся "бегством" населения от рубля главной причиной окончательного опустошения прилавков, а к концу года — наступила и настоящая гиперинфляция.

На фоне столь явной катастрофы положение дел в производстве выглядело на удивление благополучным. И в самом деле. Спад в промышленности за прошлый год всего лишь на 7% с небольшим*, к тому же затронувший в основном сферы, более или менее далекие от забот рядового потребителя, свидетельствовал скорее о поразительной жизнеспособности и высокой степени саморегуляции уже никем сверху не управляемого производства, чем о поразившем его глубоком кризисе.

Выпуск товаров народного потребления, хотя и снизившийся в 1991 г. на 4,5%, все еще на 2% превосходил уровень 1989 г. При этом непродовольственных товаров было произведено на 7% больше, чем в 1989 г. (без легкой промышленности, пострадавшей от свертывания поставок импортных материалов — на 3,5% больше,

*Правда, в последние месяцы 1991 г. падение промышленного производства составляло (в годовом исчислении) 11–12%.

чем в 1990 г.), а алкоголя — даже на 12%. Иначе говоря, спад в промышленности до начала 1992 г. существенно затронул только продукцию производственно-технического назначения (группы "А"), объем которой оказался на 9—10% меньше, чем в предыдущем году. Если бы не коллапс потребительского импорта, не паническое бегство от денег и развал системы продовольственного снабжения двух российских столиц через общесоюзные фонды, то этого спада, вероятно, никто бы и не заметил.

Правда, гораздо больше оказалось падение производства в других отраслях: строительстве (под влиянием общего снижения инвестиционной активности), сельском хозяйстве (из-за сокращения посевов зерновых культур, неблагоприятных погодных условий и неудовлетворительного материально-технического снабжения валовый сбор зерновых снизился на 1/4 по сравнению с урожайным предыдущим годом, а вся продукция села сократилась на 9%), и особенно во внешней торговле (ее оборот упал примерно на 40% из-за недостатка валюты для оплаты импорта и изменения условий торговли со странами бывшего СЭВ). Но несмотря на то, что национальный доход уменьшился значительно больше, чем промышленное производство (на 14%), объем ВВП к моменту начала проведения активной стабилизационной политики оставался на уровне 1985 г., а промышленной продукции — 1986 г., что еще никак нельзя назвать катастрофическими результатами. Не наблюдалось и чего-либо даже отдаленно похожего на массовую безработицу.

Такой поворот событий четко предопределил приоритетную задачу экономической политики. К началу 1992 г. она заключалась в восстановлении хотя бы минимальной макроэкономической сбалансированности — госбюджета, потребительского рынка, текущих внешних платежей — чтобы на этой основе попытаться повести борьбу сначала с гиперинфляционным бегством от рубля*, а затем, в случае успеха, может быть, уже и с "рутинной" инфляцией. Проблемы верно, но сравнительно медленно деградирующего производства, на некоторое время отодвинулись на задний план.

Тем не менее в более долгосрочном плане именно нарастающий спад экономической активности, обещающий в лучшем случае перейти в многолетний застой в производстве, может стать главной опасностью на "пути к свободной экономике". Ведь в конце концов бегство от денег, как и вообще всякая массовая паника, — это скорее политическая и психологическая проблема, нежели чисто экономическая, и она при крайней ситуации может быть решена с помощью какого-нибудь экстраординарного шага в денежной сфере. Кроме того, довольно быстро накапливающаяся "усталость" населения от гиперинфляции создает благоприятные условия для устранения этой проблемы. С обычной "ползучей" инфляцией (20—30 и даже 50% в год), в которую, по-видимому, неизбежно в конечном счете трансформируется нынешний "большой гиперинфляционный взрыв", можно было бы на какое-то время смириться. Но если после всех лишений, связанных с крахом денежной системы, падением реальных доходов и потерей сбережений населению придется пережить еще и кру-

*Здесь необходимо заметить, что мер, направленных на достижение финансовой сбалансированности, самих по себе не достаточно, чтобы покончить с "бегством от денег". Как правило, нужны еще и специальные шаги, направленные на восстановление доверия к денежной единице, торможение скорости ее обращения, повышение склонности доходополучателей к сбережениям. В случае сравнительно легкой, в частности "корректирующей", гиперинфляции (польского типа) можно было бы ограничиться введением высокого "индексирующего" процента по срочным (в том числе и краткосрочным) депозитам и свободной конверсии денег в твердую валюту по гарантированному правительством стабильному курсу ("долларового якоря"). При тяжелых хронических формах гиперинфляции (на научном языке, с высоким "индексом реагирования" реальных денежных остатков на ожидаемый темп повышения цен) обычно требуется либо введение параллельных "твердых" денег, либо единовременная полная замена не пользующихся доверием денежных знаков (часто — вместе с правительством, ибо "твердую валюту рождает твердая власть"). Но без стабилизации скорости оборота денег никакие меры по достижению макроэкономического равновесия не дадут эффекта. Текущая сбалансированность не будет достигнута из-за неизбежных задержек во времени в формировании доходной части госбюджета, обеспечивающих поступления, и роста компенсационной нагрузки на его расходную часть. Удовлетворительная сбалансированность товарных потоков с денежной массой также окажется недостижимой ни при каком уровне цен из-за ожиданий их дальнейшего роста.

шение производства с обязательной в этом случае высокой безработицей (пусть даже и в форме плохо оплачиваемой избыточной занятости), то это, пожалуй, будет лежать уже за пределами его выносимости*.

Нечего и говорить, что рецессия способна оказывать самое губительное воздействие на финансы и внешнюю платежеспособность государства. Бюджетные расходы в связи с ростом безработицы увеличиваются, а доходы падают; примерно так же обстоит дело и с валютными поступлениями. Попросту, трудно поддерживать приемлемый уровень социальной защиты населения в стране, где почти никто не работает, и внешнеторговый баланс — положительный, если нечего вывозить.

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА, ОБЩИЕ ДЛЯ ВСЕХ БЫВШИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН. СПАД ПРОИЗВОДСТВА КАК НЕИЗБЕЖНАЯ ПЛАТА ЗА ЛИБЕРАЛИЗАЦИЮ

Факторы, способные провоцировать дальнейшее нарастание спада в экономике бывшего СССР, можно с известной долей условности разделить на две группы. К первой, вероятно, относятся общие для каждого государства, решившего расстаться с обобществлением средств производства и централизованным управлением им. Очевидно, что адаптация производителей к новым системным условиям и постепенно разворачивающийся процесс рыночной трансформации экономики на первых порах неизбежно вызывает падение объемов производства. Внешне это проявляется в распаде традиционно сложившихся хозяйственных связей, нарушении дисциплины поставок, свертывании спроса на определенные виды продукции и услуг.

Было бы серьезной ошибкой видеть в этих процессах, если рассматривать их применительно к условиям нашей страны, исключительно результат бурных политических эксцессов последних 1,5–2 лет, которые привели, в частности, к окончательному краху системы, когда-то удачно названной Л. Эрхардом принудительно-направляемым, а по-нашему — плановым, хозяйством. Именно такой взгляд на события упорно навязывался до недавнего времени официозными mass-media, отражавшими стремление правящей элиты сохранить в новой ситуации отжившие бюрократические структуры, вроде бывшего Госплана (в последнее время Минэкономики) СССР. А предпринимавшиеся попытки блокировать кризис с помощью чрезвычайных мер, т.е. все теми же принудительными средствами, свидетельствовали лишь о полном непонимании прежним руководством страны реальной экономической ситуации и своих подлинных задач в этот переходный период:

1. Значение распада хозяйственных связей. На самом деле разрыв внутрисоюзных межотраслевых и межрегиональных связей, ухудшение договорной и производственной дисциплины играют в наблюдаемом экономическом спаде хотя и существенную, но все же не главную, и, если можно так выразиться, не первичную роль, поскольку сами они обусловлены другими, более глубинными причинами. Действительно, объем недопоставленной по договорам продукции в течение прошлого года нарастал: в последние его месяцы он был в среднем вдвое выше, чем в предыдущие. К концу 1991 г. оформлена договорами вдвое меньшая, чем год назад, доля намерений (планов) предприятий на поставку продукции, что объяснялось главным образом непредсказуемостью поведения цен после их либерализации. И все же в целом за прошлый год недопоставки продукции по договорам составили лишь 2,5% общего объема промышленного производства, а потери продукции вследствие приостановки предприятий и отдельных производств из-за нарушения хозяйственных связей — лишь 0,3%.

*Речь идет, конечно, не о "революции снизу", ибо голодные и униженные люди революций не совершают. По меткому замечанию В.В. Шульгина, революции делают сытые, которым два дня подряд не дали поесть. Однако в обществе может сложиться (и уже складывается) благоприятная аура для нового дворцового переворота, который в очередной, кажется, уже третий, раз за последние три четверти века покончит с пробивающимися слабыми ростками свободы в обмен на обещания "порядка" и "справедливого распределения".

2. Стало меньше ненужных товаров. Большинство же причин, вызывающих сегодня реструктуризацию производства, накапливались годами и только теперь выплеснулись на поверхность. Среди них следует прежде всего назвать диспропорции между масштабами и структурой предложения, которое определяется производственным потенциалом, сформировавшимся вне требований рынка, и эффективным спросом, во все большей степени складывающимся под действием рыночного механизма. Когда на стороне предложения в основном устаревшие экономически неэффективные технологии и деформированная материально-вещественная структура производства, а на стороне спроса — приближающийся к рациональному отбор товаров и услуг исходя из ограниченных реальных доходов, то неизбежна корректировка структуры производства со снижением его объемов.

В сущности этот процесс адаптации предложения к спросу начался еще с 1988 г., когда после введения Закона о предприятии они получили возможность самостоятельно, хотя еще и в очень узких границах, определять свою производственную программу. Именно с этого момента динамика темпов прироста производства описывается устойчиво нисходящей линией, которая в 1990 г. просто пересекла нулевую черту. В последнее время сюда добавилась и конверсия оборонных отраслей, где сокращение производства военной продукции пока не компенсировано (и неясно, возможно ли это в принципе) соответствующим наращиванием гражданской. Этим, по имеющимся оценкам, обусловлен примерно 1% из общего 7–8%-ного уменьшения промышленного производства.

3. Падает спрос на инвестиции. Конечно, если бы данная причина была единственной, то ее, пожалуй, можно было бы только приветствовать, а по мере совмещения структур предложения и спроса снижение производства приостановилось бы само собой. Но, к сожалению, налицо и такие факторы снижения спроса, которые отражают крайнюю неразвитость сегодняшних рыночных структур и могут иметь весьма неблагоприятные долговременные последствия. Речь идет прежде всего о падении инвестиционного спроса со стороны предприятий, который теоретически может восстановиться лишь по окончании оформления новой структуры контроля над экономикой (акционирования нынешних госпредприятий с их дальнейшей приватизацией). До этого, по-видимому, неизбежно скатывание к хотя и ориентированным на реальные жизненные потребности населения, но все же простейшим формам организации хозяйственной жизни, в основном не способным к самовоспроизводству, т.е. нечто похожее на нэповский вариант развития экономики*. Уже в 1991 г. уменьшение физических объемов инвестиций (в отличие от стоимостных, которые в официальной отчетности дефлатируются по заниженным индексам цен на строительно-монтажные работы и оборудование) в республиках бывшего СССР оценивалось в 45%.

4. "Рецессиогенные" последствия расстройства финансовой системы и дефляционных шоков. К этой же группе, вероятно, общих для всех бывших социалистических стран причин падения производства (помимо рассмотренных изменений в поведении хозяйственных агентов на микроуровне) следует отнести и некоторые закономерности эволюции их финансовых и денежных систем в процессе "детоталитаризации" экономики. Они приводят к выбору определенной — и, как показывает практика, крайне "рецессиогенной" — макроэкономической политики.

Поиски выхода из социалистического тупика почти всегда начинаются с послаблений в отношении роста заработной платы, в надежде, что это заставит людей лучше работать. Поскольку немедленным следствием этой политики становится огромный дефицит госбюджета, который из-за отсутствия сколько-нибудь развитых финансо-

*Разумеется, если государство, как в прежние времена у нас и в ряде развивающихся стран теперь, вновь не возьмет на себя функцию аккумуляирования в бюджете "рассеянных" сбережений населения и централизованного инвестирования.

вых рынков почти полностью монетизируется, процесс реформ с самого начала неизбежно сопровождается высокая инфляция — сначала в подавленной, а затем во все более открытой форме. Попытки погасить разгорающийся пожар с помощью массированного импорта потребительских товаров окончательно разрушают платежный баланс. Затем следуют мучительные поиски компромиссов между либерализацией и регулированием экономики, в ходе которых постепенно отменяются все еще сохранившиеся "помехи" работе рыночного механизма (импортные квоты, кредитные ограничения, твердые цены и т.д.).

Накопившееся в обществе отвращение к тотальному контролю государства столь велико, что любое проявление интервенционизма, будь то планирование, таможенное регулирование или бюджетные субсидии, отвергается как неуместная крамола и посягательство на отвоеванную хозяйственную свободу. Дальнейшее нам слишком хорошо известно по собственному опыту. Каждый, у кого в руках оказываются хоть какие-то рычаги экономического давления — профсоюзы, банки, продавцы магазинов, директора предприятий, биржевые спекулянты, словом, почти все население, кроме пионеров и пенсионеров, — пытается использовать их в целях самозащиты. Начинается всеобщая ценовая война, приводящая к безудержной инфляции.

Нет нужды доказывать, что это далеко не лучшая обстановка для возобновления экономического роста. Происходит обычная инфляционная реструктуризация экономики: основная масса свободного капитала уходит в финансовые и иные спекуляции, реальные же инвестиции, не сулящие быстрой отдачи, довольно быстро падают до нуля. Столкновение безмерных инфляционных ожиданий производителей продукции с ограниченным платежеспособным спросом на нее — верный залог рецессии, особенно в условиях каскадного и во многих узлах — предельно монополизированного хозяйства, какое представляла собой экономика бывшего СССР. Довольно скоро выясняется, что мы угодили в еще худший, чем при "развитом социализме", перераспределительный тупик, попутно трансформировавшись в еще более аморальное общество, в котором обогащение нуворишей идет за счет беднейших слоев, лишенных рычагов экономического давления. По сравнению с этой ситуацией застойные времена вспоминаются уже как "золотой век".

Дело кончается той или иной формой шокотерапии. А это уже процесс с достаточно хорошо предсказуемыми последствиями, поскольку помимо польского опыта, служащего сегодня ориентиром для большинства бывших социалистических стран, существует и 25-летняя история либерализаций и макроэкономических шоков по рецептам МВФ в несоциалистических странах, которые по тем или иным причинам также оказались в тупике перераспределения, особенно после долгового кризиса начала 80-х годов.

Каждая из четырех теоретически возможных мер стабилизации (контроль за ценами, импорт, воздействие на относительные цены с целью снижения инфляции издержек и, наконец, строгая экономия, выражающаяся в росте налогов, урезаний государственных расходов и сжатии внутреннего кредита) в той или иной степени рецессиогенна. На практике же выбор значительно уже и сводится к шагам, неизбежно провоцирующим глубокий и длительный спад.

Сама мысль о расширении прямого регулирования цен с негодованием отвергается реформаторами, как правило, принадлежащими к поколению, воспитанному в духе приверженности идеалам неоллиберализма. Увеличить импорт не позволяет необходимость поддерживать активный торговый баланс для обслуживания ранее набранных займов, новые же в лучшем случае предоставляются в виде отсрочки по погашению основной суммы существующего долга и ссуды для уплаты процентов по нему*. Непосредственно ограничивать инфляцию издержек,

*К тому же торговый баланс дополнительно активизируется за счет расширения потребностей частного сектора в иностранной валюте, которая обслуживает процесс "долларизации" внутреннего оборота в условиях бегства от обесценивающихся национальных валют.

т.е. главным образом, сдерживать рост заработной платы, в течение известного времени может находящаяся у власти доминирующая политическая сила*. Если же правительство не имеет прочной социальной опоры, дело довольно быстро может кончиться всеобщей стачкой. Таким образом, все что остается, это поднять налоги до уровня, лишаящего основную массу предприятий прибыли и каких-либо стимулов к расширению производства, одновременно сузив внутренний спрос, а также урезать госзаказы и субсидии убыточным предприятиям, спровоцировав тем самым банкротство целых секторов экономики.

Несмотря на то, что прочность производственного сектора в ходе шоков оказывается на удивление высокой, экономика вынуждена в течение долгого времени работать только на 60–80%. Страна попадает в ловушку недопроизводства, вытаскивать ее из которой рыночные силы сами по себе пока еще нигде не были в состоянии. Механизмы и конкретные страновые примеры подобной "спровоцированной" рецессии детально исследованы и описаны в [1, 2], и это избавляет нас от необходимости подробно на них останавливаться.

5. Основные особенности структуры, сложившейся к началу 90-х годов в бывшем СССР. Кроме рассмотренных общих для всех постсоциалистических стран причин рецессии, существуют еще и такие, которые характерны главным образом лишь для государств, возникших на территории нашей страны. Они определяются некоторыми весьма специфическими чертами структуры производства. В их числе прежде всего факторы внешнего порядка: с одной стороны, существовавшая до начала рыночных преобразований весьма глубокая вовлеченность страны в международное разделение труда, а с другой, как это ни парадоксально, полный отрыв критериев эффективности производства от международных требований, приведший к образованию огромного массива безнадежно убыточных по мировым меркам предприятий.

Эти специфические черты национального хозяйства могут значительно усилить обший "кризис недопроизводства" на территории экс-СССР. Нетрудно предвидеть особую глубину и длительность развертывающегося здесь экономического провала, если учесть, что и в других бывших социалистических странах, которые когда-то были главными торговыми партнерами СССР, происходят аналогичные системные изменения, неизбежно распространяющиеся и на их внешнеэкономические отношения, а также начавшееся и в перспективе, очевидно, все более существенное "открытие" нашей экономики. Последствия этих процессов и станут специальным предметом дальнейшего анализа.

ИЗДЕРЖКИ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

Зависимость бывшей советской экономики от внешнего рынка лучше всего можно проследить, оценив полные затраты ресурсов, какие потребовались бы ей для замещения импорта.

Анализ показывает, что примерно с середины 60-х и до конца 80-х годов экономика бывшего СССР превратилась из почти самодостаточной в существенно открытую, зависящую от внешних поставок. Внешнеэкономические связи стали колоссальным дополнительным источником материальных ресурсов: сначала потребительского, затем и инвестиционного назначения, а с учетом межотраслевых связей — мощным рычагом экономии затрат труда и капитальных вложений.

На начало 90-х годов внешняя торговля позволяла иметь в дополнение к собственному производству около 1/3 продукции легкой промышленности, и почти 20% продовольственных ресурсов. Без внешней торговли на поддержание достигнутых уровней частного и правительственного потребления, а также сложившихся объе-

*Вроде польской "Солидарности" образца 1990 г., Институциональной революционной партии в Мексике в 1987 г., или военной диктатуры, способной подавить рабочее движение, как в Боливии 1986 г. Во всех этих случаях инфляционную спираль удалось сломать главным образом благодаря той или иной форме контроля за ростом заработков.

мов инвестиций потребовалось бы затрачивать почти на 25% больше продуктов химии, на 10–12% — цветной металлургии и машиностроения, на 4–5% — стройматериалов и черных металлов. Трудовых ресурсов потребовалось бы на 9–11%, а инвестиций на 7–8% больше, чем с использованием внешнеэкономических связей.

Нефтегазовая промышленность оставалась фактически единственной, где внешняя торговля не замещала собственное производство, а требовала его дополнительных объемов. Причем благодаря баснословному повышению цен в результате двух "нефтяных шоков" эти дополнительные затраты были не столь обременительны. Однако такая ориентация структуры производства, на первый взгляд весьма эффективная, в действительности, как подтвердило и развитие событий во второй половине 80-х годов, а особенно в начале 90-х, делала ее весьма уязвимой по отношению к достаточно случайным внешним факторам.

1. **Зависимость от мирового нефтерынка.** Сформировавшаяся структура экономики как бы неявно предполагала постоянный приток в страну "нефтедолларов", была адаптирована к нему и уже не могла без этого нормально функционировать. Как показывали расчеты, с прекращением этого потока доля легкой промышленности в структуре общественного производства должна будет повыситься на 2–2,5 проц. пункта, сельского хозяйства, химии, машиностроения — в среднем на 0,5–1 проц. пункт. В целом структурный сдвиг, требующийся для полного замещения импорта, составлял порядка 3 проц. пунктов. Это довольно серьезное изменение структуры производства. Для сравнения: примерно такой же величиной оценивается изменение структуры отечественной экономики в среднем за пятилетку с 1960 по 1990 г. (причем в последние годы оно происходило уже гораздо медленнее). А поскольку производственный потенциал каждой отрасли ограничен, то такой структурный сдвиг мог быть реализован лишь вследствие падения общих объемов производства.

Это ставило экономику страны в весьма зависимое от конъюнктуры мирового нефтерынка положение. С ее ухудшением во второй половине 80-х годов темпы экономического роста заметно упали даже по сравнению с предыдущим, официально признанным "застойным" десятилетием. Последствия уже тогда, особенно в 1988–1990 гг., могли бы быть гораздо более тяжелыми, если бы с помощью западных кредитов проблему не удалось отодвинуть на несколько лет, правда, добавив к ней бремя расходов по обслуживанию долга.

2. **Последствия распада СЭВ и рецессии в экономиках его бывших членов.** Может быть, наиболее драматичное для экономики экс-СССР обстоятельство заключалось в том, что значительная часть потока нефтедолларов шла в форме клиринговых переводных рублей в рамках СЭВ. Пожалуй, лишь в массовом сознании еще сохранялся миф о якобы колоссальных бесплатных поставках продовольственных и иных ресурсов "братским" странам в оплату за их приверженность идее социалистического выбора. Однако цифры говорят о том, что речь следовало вести не о "нагрузке", а о выгодном для обеих сторон, в том числе и для нас, товарообмене.

Можно указать по крайней мере два аспекта изменений, происходящих сегодня в странах бывшего СЭВ, которые весьма чувствительно задевают нашу экономику. Во-первых, в условиях наблюдающегося в этих странах снижения производства в размере 10–20% ВВП и особенно заметного спада инвестиций, остро снижается спрос на продукты нашего экспорта, традиционно ориентировавшегося на удовлетворение нужд тяжелой промышленности и инвестиционного комплекса. Казалось бы, уменьшение промышленного производства в нашей стране, главным образом затронувшее отрасли группы "А", как раз и должно было бы высвободить потребляемые здесь ресурсы для экспорта. На самом же деле складывается обратная ситуация, когда советская промышленность начинает испытывать нечто похожее на "кризис сбыта". Так, при сокращении в 1991 г. в СНГ производства угля на 10%, его экспорт упал на 19%, а экспорт кокса на 60%, экспорт сырой нефти — на 51% при снижении производства на 10%, электроэнергии — на 47% (тогда как производство

уменьшилось лишь на 1,8%), черных металлов — на 59% при падении выпуска на 13%, целлюлозы — на 46% при падении выпуска на 21% и т.д. Это положение тем более парадоксально, что в условиях многократной девальвации рубля в течение прошлого года экспорт должен был бы стать особенно привлекательным.

Другой аспект системных изменений внутри бывшего СЭВ, больно ударивший по экономике не только экс-СССР, но и других членов этой организации, связан с прекращением клиринговых расчетов и переходом на оплату взаимных поставок в СКВ по мировым ценам — формально по предложению советской стороны, фактически же под нарастающим давлением восточноевропейских стран. Сам по себе новый порядок торговли и расчетов не должен был бы иметь столь разрушительных последствий (ведь и прежде взаимные поставки балансировались по ценам, так или иначе построенным на основе мировых), если бы он не был принят столь спонтанно, по-существу без всякой организационной подготовки. Роковую роль сыграло отсутствие денежной единицы, способной обслуживать международную торговлю в условиях ее "разгосударствления". Хотя в мировой практике известен опыт взаимных расчетов для стран с неконвертируемыми валютами (по типу послевоенного Европейского платежного союза), он в данном случае не был использован, а имевшиеся в странах запасы твердой валюты оказались совершенно недостаточны для поддержания сложившихся уровней товарообмена.

В итоге даже на фоне общего свертывания внешней торговли СНГ в 1991 г. почти на 40%, масштабы ее падения со странами, входящими в СЭВ, впечатляющи. Их доля в экспорте СНГ упала за год с 35,3 до 22,7% при снижении объема на 57%, в импорте — соответственно с 36,5 до 24,4% при снижении объема на 62,5%, т.е. почти втрое.

3. Первые проявления кризиса внешнеторговой стратегии. В прошлом году все три рассмотренные особенности прежней, как теперь очевидно, по меньшей мере весьма рискованной, внешнеэкономической стратегии страны (опора в торговле с развитыми странами на монопродуктовый, приносивший высокие доходы экспорт нефти и удовлетворение все большего числа народнохозяйственных потребностей за счет импорта, обернувшаяся необходимостью поддерживать активный торговый баланс для обслуживания внешнего долга; ориентация в торговле со странами бывшего СЭВ на экспорт продукции, спрос на которую сильно подвержен колебаниям конъюнктуры; регулирование торговли между странами данного региона межправительственными соглашениями при отсутствии эффективного платежного механизма, способного балансировать взаимные товарные потоки в рыночных условиях) проявились впервые, причем одновременно и весьма жестко. Последствия этого для экономики бывшего СССР и его преемников оказались не менее драматичны, чем крах финансовой системы.

Свернутый в прошлом году почти наполовину импорт стал, пожалуй, наиболее ощутимым фактором падения производства. Правда, особенно чувствительно это сказалось не на выпуске продукции, а на потребительском рынке: поставки по импорту продовольствия уменьшились на 1/3, а непродовольственных товаров в 3 раза; доля импорта в продаже изделий легкой промышленности упала с 30 до 11%. Тем не менее, был чувствительно задет и ряд отраслей, испытывающих существенную зависимость от импортных поставок.

К ним в первую очередь относится легкая промышленность, где производство снизилось на 8%, ряд подотраслей пищевой (например, производство сахара, которое из-за сокращения импорта сахара-сырца упало на четверть), химии и машиностроения. Так, выпуск легковых автомобилей был уменьшен на 7%, а грузовых — на 13% во многом из-за свертывания импорта стального листа. Таким образом, нынешним "кризисом недопроизводства" приходится не только платить естественную цену за "переход к рынку", но еще и расплачиваться по старым счетам за явно ненормальную интеграцию структуры экономики бывшего СССР в мирохозяйственные связи в прошлом.

4. Проекция на Россию. Остается добавить, что рассмотренная особенность

Ресурсы на обслуживание внешнего долга в СКВ и их финансирование, млрд. долл.

Показатели	Годы			
	1990	1991	1991	1992
	Государства			
	СССР	СССР	Россия	СНГ (Россия)?
Стоимость обслуживания долга				
в том числе:	- 22,3	- 22,0	- 13,4	- 21,4
просроченная задолженность и платежи, перенесенные с прошлых лет	-	- 4,5	- 2,8	- 4,1
процент (сальдо платежей и поступлений)	- 4,0	- 3,7	- 2,1	- 4,5
погашение долго- и среднесрочных обязательств	- 8,2	- 8,2	- 5,0	- 7,2
краткосрочные обязательства ЦБ (ВЭБ) и других банков	- 10,1	- 5,6	- 3,5	- 5,6
Финансирование платежей по долгу: текущий баланс (без процентов)	- 1,1	1,9	5,5	-
в том числе торговые операции*	1,1	3,8	7,3	-
кредиты и помощь из-за рубежа	10,9	13,9	7,7	-
изменение резервов ЦБ (ВЭБ)	8,4	2,5	1,6	-
Финансирование импорта других союзных республик	-	-	- 3,9	-
Прочее и статистическая разность	- 0,4	- 0,4	- 0,1	-
Просроченная задолженность и перенесенные платежи по ней на конец года	- 4,5	- 4,1	- 2,6	-

*Включая продажи золота, но без учета золотых "свопов".

Источник: [5, с. 11; 3, с. 84].

народнохозяйственной структуры, которую можно, несколько коверкая русский язык, обозначить как "уязвимую вовлеченность во внешние связи", в полной мере присуща и экономике России. Только выражена она здесь несравненно острее. Так же, как и для СССР в целом, ввоз товаров и из-за рубежа, и по межреспубликанским поставкам к началу 90-х годов играл огромную роль в удовлетворении основных жизненных потребностей населения республики. Для его замещения пришлось бы увеличить производство продовольствия как минимум на 20–25%, а изделий легкой промышленности не менее, чем на 50%. Отказ от внешних связей требовал для удовлетворения тех же объемов конечного спроса более высокой (на 10%) производительности труда. И даже основных фондов, несмотря на капиталоемкий в целом характер российского вывоза, в этом случае нужно было бы на 5% больше, чем при сложившихся структуре и объемах внешнеторгового и межреспубликанского обмена.

Переход к самодостаточной экономике для России потребовал бы значительно больших, чем для всего бывшего СССР, деформаций структуры производства. Показатель необходимых изменений в структуре в этом случае в два с лишним раза выше, чем для бывшего Союза в целом и сопоставим по величине с показателем структурного сдвига за 10–15 лет. При этом пропорции производства должны были бы изменяться в направлении, противоположном фактически сложившемуся: в сторону повышения удельного веса легкой и пищевой промышленности, а также сельского хозяйства, доля которых в валовом общественном продукте должна была бы возрасти более, чем на 6 проц. пунктов. Из общего отклонения

сформировавшейся в России к началу 90-х годов структуры производства от пропорций замкнутой экономики на межреспубликанские отношения приходилось 2/3, а оставшаяся треть была обусловлена внешнеторговыми отношениями. Отсюда нетрудно заключить, что дезинтеграция системы хозяйственных связей, существовавших внутри бывшего Союза, может оказаться для республики примерно вдвое болезненней, чем свертывание внешней торговли.

Таким образом, еще в большей мере, чем в экс-СССР в целом, свертывание внешних связей России способно вызвать здесь тяжелый и длительный кризисный спад производства и особенно потребления. И так же, как в отношении импорта всего бывшего Союза, на 90-е годы можно с уверенностью прогнозировать сокращение ввоза в республику. Фактически этот процесс уже начался в 1991 г., когда импорт России упал примерно в той же (и даже чуть большей) пропорции, что и бывшего СССР в целом — на 46%, а межреспубликанские поставки снизились по предварительной оценке почти на треть. В следующие годы по ряду причин можно ожидать нарастания этих тенденций.

Прежде всего, России, которой единственной из бывших союзных республик в последние два года удавалось поддерживать положительный внешнеторговый баланс (за счет чего частично финансировался импорт остальных республик; см. табл. 1), очевидно, предстоит делать это и в дальнейшем, причем на фоне снижающегося экспорта. Даже прекращение субсидирования импорта бывших партнеров по Союзу мало что изменит в этой ситуации, поскольку расходы на обслуживание внешнего долга распавшегося СССР в предстоящие годы не сокращаются (см. табл. 1; в 1993 г. по далеко не полному данным [3, с. 86], они могут составить 18,5 млрд. долл. без учета просроченной задолженности) и, по всей вероятности, полностью лягут на Россию. В то же время возможности профинансировать их за счет притока капитала из-за границы и сокращения валютных резервов будут, по-видимому, существенно уже, чем в предыдущие годы. Более того, перспектива введения частичной обратимости рубля означает необходимость отвлечения валюты в резервный фонд, требующийся для стабилизации обменного курса. Вступление страны в МВФ способно лишь в определенной мере нейтрализовать связанные с этим расходы, но ни в коей мере не означает возможность получения кредитов на покрытие дефицита текущего платежного баланса*.

Разумеется, переход на мировые цены и расчеты в СКВ по межреспубликанским поставкам мог бы существенно поправить валютное положение России, поскольку в данном случае имеет место общеизвестное торговое субсидирование ей остальных членов бывшего СССР (по состоянию на 1989 г. сальдо межреспубликанского обмена России в средних внешнеторговых ценах составляло 28,2 млрд. инв. руб., т.е. порядка 47 млрд. долл. [6, с. 31]). Но, очевидно, в обозримой перспективе это совершенно нереально, и, как показал опыт, попытка перехода на расчеты в СКВ в рамках бывшего СЭВ может обернуться серьезными потерями для самой России. Более того, не исключено, что России самой придется предоставлять валютные кредиты бывшим союзным республикам, и не из альтруистских, а из чисто эгоистических соображений, если речь пойдет о выживании предприятий, "завязанных" на ее народнохозяйственный комплекс. По той же причине для России может оказаться нецелесообразным пытаться переориентировать сколько-нибудь существенную часть поставляемых ныне республикам "конвертируемых" (т.е. преимущественно сырьевых) ресурсов на иные рынки, где к тому же их пришлось бы реализовывать по демпинговым ценам.

И наконец, просматриваемые сегодня по крайней мере на ближайшее пятилетие

*По имеющимся ориентировочным оценкам [4], при квоте (вступительном взносе) бывшего СССР 6–6,7 млрд. долл. (3,3–3,7% капитала МВФ), из которых валютная доля составила бы 1,5–1,6 млрд., а остальное — рубли, можно получать кредит на протяжении 3 лет в размере 16–18 млрд. (270% квоты) в форме продажи МВФ национальной валюты (рублей) в обмен на СДР или иную нужную нам валюту. По самым минимальным подсчетам, именно столько и требовалось для создания в стране стабилизационного валютного фонда.

ресурсные ограничения (в частности, в нефтедобыче) также не позволяют особенно надеяться на автоматический рост экспорта. Маловероятно, что благодаря снижению производства и распаду СССР внутреннее потребление нефти, газа и иных пригодных к экспорту ресурсов будет сокращаться в большей степени, чем падение их добычи. Во всяком случае, до сих пор ситуация была скорее обратной. Исключение может составить разве что продукция военно-промышленного комплекса с неясными пока перспективами расширения ее сбыта за рубежом.

Что касается межреспубликанских связей России, то здесь важно иметь в виду, что, несмотря на, казалось бы, явное субсидирование других бывших республик (как через перераспределение валюты, так и через цены), она в то же время занимает в отношениях с ними довольно уязвимое положение, сходное с положением бывшего СССР в бывшем СЭВе. Спад производства и особенно инвестиций в бывших союзных республиках, который в той или иной мере спровоцируют начавшиеся процессы либерализации и реструктуризации их экономик, будет иметь следствием определенный "кризис сбыта" российской продукции, ориентированной в основном на производственный и инвестиционный спрос. В самой же России свертывание межреспубликанских поставок больно ударит прежде всего по потребительскому сектору, особенно по рынку продовольствия*. А дезинтеграция денежной системы бывшего Союза, которая, по-видимому, неизбежно последует еще в этом году (во всяком случае, в отношениях с Украиной и Прибалтийскими государствами) безусловно приведет к дальнейшему сокращению взаимных поставок из-за отсутствия альтернативного платежного механизма. Все это дает основание прогнозировать, что внешние обстоятельства (сужение импорта и ввоза из бывших партнеров по Союзу) смогут довольно далеко отодвинуть момент прекращения послешоковой рецессии и возобновления экономического роста в России.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВХОЖДЕНИЯ В МИРОВОЙ РЫНОК

Рассмотрим теперь подробнее другую упомянутую особенность нашей экономики — сильно искаженные ценовые пропорции, сложившиеся благодаря длительной изоляции от международной конкуренции, обеспечившей "парниковые условия" для большинства подотраслей перерабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Возможные проявления этой особенности в ходе рыночной трансформации хозяйства хорошо известны.

1. Последствия выравнивания ценовых пропорций. Если одновременно с либерализацией цен на энергоносители и другие ключевые элементы производственных затрат, остающихся на момент написания данного текста (февраль 1992 г.) регулируемые, будут либерализованы также внешнеторговый и валютный режимы, т.е. сделаны шаги в направлении к конвертируемости рубля, то это немедленно повлечет за собой крутой взлет относительных цен на топливные и сырьевые ресурсы, а также на импортную продукцию производственного назначения (машины, химикаты, зерно). Это, в свою очередь, может сделать большинство перерабатывающих отраслей убыточными, если курс рубля будет реальным, т.е. низким. Производственные издержки в этом случае сильно возрастут, а перенести их на цены удастся далеко не всегда из-за конкуренции импорта. Неизбежным будет свертывание большого числа производств и высвобождение занятого на них персонала, либо частичный возврат к политике защиты внутреннего рынка высоким импортным тарифом, или же субсидирование перерабатывающих предприятий дотациями к ценам потребляемого ими сырья (как вариант — путем установления высоких экспортных пошлин на него).

Можно предположить, что пройдет немало времени, прежде чем будет нащупан оптимальный компромисс между скоростью рыночной реструктуризации эконо-

*Так что в краткосрочном плане разрыв отношений с бывшими республиками может оказаться для России во всяком случае не менее болезненным, чем для многих из них.

мики и глубиной вызванного этим падения производства. Пожалуй, этот "структурный шок" и является главным барьером на пути нашей страны (равно как и других стран бывшего советского блока) на рыночной основе к системе мирохозяйственных связей. По сравнению с ним другие проблемы, возникающие с переходом к конвертируемости национальной денежной единицы (создание резервных валютных фондов для стабилизации курса; урегулирование долгов нам развивающихся стран, выраженных в рублях и т.п.), представляются все же менее значительными.

2. Особенности для стран СНГ, богатых и бедных "конвертируемыми" ресурсами. Реструктуризация или ухудшение *terms of trade* (условий внешней торговли)? Существуют определенные отличия проблемы вхождения в мировой рынок России и других располагающих "конвертируемыми" ресурсами новообразованных государств, от проблем стран, бедных сырьевыми ресурсами. Если первым угрожает, если можно так выразиться, опасность "кувейтизации" их экономик с появлением многочисленных армий безработных, то во вторых главным последствием перехода на мировые цены будет не реструктуризация производства, а падение уровня потребления как следствие ухудшения *terms of trade*. Это вызовет снижение реальной заработной платы, которое и компенсирует рост издержек на оплату ввозимого сырья. Для стран же первой группы, несмотря на свертывание производства с переключением сырьевых ресурсов на экспорт, общий уровень потребления может и не понизиться благодаря притоку потребительских товаров из-за рубежа. Таким образом, будет сохраняться достаточно высокая цена труда, делающая развитие перерабатывающих производств неконкурентоспособным. В итоге может возникнуть специфический вариант "ловушки недопроизводства", когда объем производимого национального дохода "садится" на ограничения по нефти или другим природным ресурсам, а трудовые ресурсы оказываются в избытке.

3. Трудности моделирования последствий перехода на мировые цены. Говоря о прогнозе последствий "открытия" экономики, следует с самого начала разграничить два возможных понимания этой проблемы: 1) моделирование сравнительной статистики, т.е. нового равновесного состояния (структуры цен и производства, включая макроцены и макропропорции) и 2) моделирование динамики, т.е. траектории движения к этому состоянию, в том числе скачка инфляции, который может дать либерализация цен на энергоносители и реакции реального сектора на очередной ценовой шок (глубины конъюнктурного спада производства). Первая задача в определенном смысле интереснее, поскольку она более "считабельна", и в дальнейшем мы займемся главным образом именно ею. Что касается второй, то моделирование здесь тоже возможно, но оно дает скорее качественные, чем количественные результаты, и к тому же процесс в гораздо большей степени будет зависеть от принимаемых политических решений (жесткости в выдаче кредитов и требовании их возврата, в ограничении роста заработков и т.п.). Разумеется, даже и при таком суженном понимании задачи, сколько-нибудь точно смоделировать последствия перехода к структуре мировых цен, базируясь на нынешних, в значительной мере все еще "дореволюционных" данных, очень сложно.

а. *Неопределенность валютного курса.* Очевидно, что оценивая возможный рост внутренних цен на некоторые, потенциально пригодные для экспорта ресурсы, нельзя руководствоваться курсом рубля порядка 100 руб./долл., сложившимся на свободном валютном рынке к началу нынешнего года в условиях, когда рубль, как падающая валюта, перестал выполнять практически все функции денег, и в первую очередь — средства сохранения стоимости. Переход этой функции в значительной мере к иностранной валюте сделал цену ее чрезмерно завышенной даже на фоне общего резкого падения покупательной способности рубля.

Ориентация на такой курс при установлении внутренних цен означала бы, что цена, например, на нефть должна подняться еще в 30 раз против уровня I кварта-

**Возможности расширения народного потребления за счет экспорта высвобожденных ресурсов
в случае свертывания отдельных видов деятельности в стране**

Сокращаемые виды деятельности на 1 руб.*	Поступление валюты, инв. руб.		Возможности импорта, руб.*†	
	от продажи высвобожден- ных ресур- сов	экономия от сокращения импорта, тре- бующегося для производства	потребитель- ских товаров в сложившей- ся структуре	продукции той же от- расли
Выпуск потребительских товаров	0,29	0,059	0,78	—
Капитальные вложения	0,51	0,160	1,49	—
Оборонные расходы**	0,74	0,093	1,86	—
С п р а в о ч н о: результаты со- кращения конечного спроса для отдельных отраслей				
Черная металлургия	2,41	0,034	5,47	1,86
Цветная металлургия	2,91	0,099	6,73	2,98
Угольная промышленность	1,81	0,031	4,12	1,22
Нефтегазовая промышленность	3,81	0,025	8,57	2,07
Электроэнергетика	2,51	0,022	5,66	***
Машиностроение и металлообра- ботка	0,59	0,100	1,53	0,74
Химия и нефтехимия	1,60	0,060	3,72	2,38
Лесная, деревообрабатывающая, целлюлознобумажная про- мышленность	1,22	0,023	2,78	1,88
Промышленность стройматериалов	1,97	0,021	4,45	3,62
Легкая промышленность	0,22	0,047	0,61	1,10
Пищевая промышленность	0,35	0,083	0,97	0,97
Сельское хозяйство	0,17	0,030	0,44	0,44
Строительство	0,56	0,059	1,38	***
Транспорт и связь	0,24	0,010	0,55	***
Торговля	0,12	0,008	0,29	***

*В оптовых ценах предприятий до 1 января 1991 г.

**Только в части материальных затрат.

***Импорта нет.

Рассчитано по [9, с. 296—297; 6, с. 32—35].

ла 1992 г., который и так уже примерно в 15 раз выше цен на нефть, существовавших до 1 января 1991 г. Такое удорожание топливных и других сырьевых ресурсов в случае сохранения нынешних общих уровней оптовых и потребительских цен привело бы к "поголовной" убыточности всех обрабатывающих и инфраструктурных отраслей, в том числе и тех, продукция которых не может быть замещена импортом. Поэтому более вероятным стало бы не только изменение ценовых пропорций, но и повышение общего масштаба товарных цен. В итоге рост цены на нефть и иные "конвертируемые" ресурсы относительно увеличения стоимости, скажем, строительно-монтажных работ, торгово-транспортных услуг или труда был бы не столь ощутимым; во всяком случае, не 30-кратным. А это означает относительное повышение валютного курса рубля.

Рост валютного курса рубля при сближении внутренних цен с мировыми вытекает и из других соображений*. Неизбежное в этом случае свертывание той или иной

*Речь идет об относительной цене валюты в сравнении с уровнем товарных цен в стране. Напомним, что мы анализируем здесь проблемы сравнительной статистики, а не динамики цен. В абсолютном же выражении в результате операции по снятию внешнеторговых и валютных ограничений и товарные цены, и цена валюты, вне всякого сомнения, снова рванутся вверх.

части перерабатывающих производств, сокращение внутреннего потребления "конвертируемых" ресурсов и рост их экспорта потенциально могут увеличить приток в страну иностранной валюты. В результате ее стоимость должна была бы снизиться. Правда, существенному возрастанию курса рубля скорее всего будет препятствовать довольно интенсивный обратный поток валюты: как по государственным каналам — при обслуживании внешней задолженности, так и по частным, в порядке хэтя и запрещенного, но весьма слабо поддающегося контролю и уже начавшегося "бегства капиталов". Тем не менее, можно предполагать, что сформировавшийся в итоге равновесный обменный курс рубля оказался бы выше, чем нынешний рыночный.

Вместе с тем некорректно пытаться прогнозировать будущий равновесный курс рубля по соотношению валютных и внутренних цен (даже предельному, определенному для замыкающих структуру внешнеторгового оборота товаров). Это дает весьма высокую, отличающуюся по крайней мере на порядок от рыночной, оценку стоимости рубля*. Такой подход был бы оправдан, если бы структура и масштабы внешнеторговых операций диктовались исключительно соображениями рыночной выгоды (оптимальности). Но тогда из структуры импорта почти наверняка выпала бы вся продукция производственного назначения, оборудование, зерно и другие товары с относительно невысокой эффективностью использования валюты. Экспорт в случае отмены его квотирования и лицензирования мог бы значительно расшириться за счет товаров со сравнительно невысокой, но все еще оправданной в сравнении с рыночным курсом рубля валютной эффективностью. В итоге соотношение валютных и внутренних цен по товарам, замыкающим структуру внешнеторгового оборота, сильно сдвинулось бы в сторону нынешнего рыночного курса. Фактически эти процессы уже и пошли в коммерциализированной части внешнеторговых операций, хотя ее удельный вес в 1991 г. оставался все еще недостаточным, чтобы принципиально изменить структуру экспорта и импорта республик бывшего СССР**.

Высказанные соображения дают лишь некоторые ориентиры для диапазона, в котором может оказаться равновесный курс рубля после окончательной либерализации цен, а также валютного и внешнеторгового режимов. Предельные соотношения цен по внешнеторговым операциям (к сожалению, в их нынешней, "дорыночной" структуре — другой пока нет) определяют его верхнюю границу по отношению к товарным ценам. Условие же покрытия издержек и получения определенной прибыли в принципиально не замещаемых импортом видах деятельности, т.е. в строительстве, сфере услуг и некоторых других — нижнюю. Хотя такой диапазон достаточно размыт (от 10 до 40 руб./долл. при покупательной способности рубля по потребительским товарам на уровне I квартала текущего года), можно будет все же кое-что достаточно уверенно сказать о предстоящих изменениях в структуре производства.

б. Цена труда. Не менее трудно, чем валютный курс, предсказать и стоимость

*Попытка искусственной реконструкции функций предельных издержек для экспорта и, соответственно, предельных доходов от единицы валюты для импорта (точка их пересечения при условиях равновесия торгового баланса дает валютный курс) методом ранжирования показателей валютной эффективности для отдельных экспортируемых и импортируемых товаров [7] давала для условий 1989 г. значение курса порядка 1 руб./долл. или 11 руб./долл. в масштабе цен начала 1992 г.

**По предварительным данным, в 1991 г. в структуре экспорта из России на нефть, уголь, черные и цветные металлы падало 54% (в 1990 г. — 51,4%), на продукцию машиностроения — 13% (соответственно 17,6%), на химические и другие сырьевые продукты — 9% (8,5%). В импорте России на машины, оборудование и транспортные средства пришлось 33% (против 41,2% в предыдущем году), продовольствие 24% (14,7%), продукты химической промышленности и другое сырье — 10% (8,6%), одежду — 8% (в 1990 г. все промышленные товары народного потребления составляли 18% импорта) [8; 6, с. 53, 54]. Как видим, состав как импорта, так и особенно экспорта, несмотря на резкое сокращение их объемов, пока не обнаруживает каких-либо "революционных" сдвигов.

рабочей силы после перехода на мировые цены. Понятно, что она будет зависеть в первую очередь от уровня потребления в стране. В то же время не вполне ясно, в какую сторону он изменится в результате реструктуризации, связанной с "открытием" экономики. Некоторое представление могут дать коэффициенты замещения отечественного производства импортными закупками, которые можно сделать на валюту, полученную от продажи высвобожденных "конвертируемых" ресурсов (см. табл. 2 и примечание к ней в конце статьи).

Расчеты показывают, что в случае полного свертывания потребления продуктов отечественной обрабатывающей промышленности (машиностроения, легкой) и АПК (села и пищевой промышленности), и замещения его импортом в тех же пропорциях, физический объем потребления этих товаров может упасть на 20—25%. Наименее выгодно замещать таким способом конечную продукцию села (т.е. главным образом, растениеводства, поскольку животноводческая продукция в основном идет в переработку), где на вырученную валюту можно купить не больше половины сокращаемой отечественной продукции, а также машиностроения (соответственно 3/4). Впрочем, это достаточно очевидно и без расчетов; трудно представить себе, что выращивание, скажем, капусты в стране будет свернуто для того, чтобы ввозить ее из-за границы на выручку от сэкономленных "валютных" товаров. Иная ситуация с продуктами питания животного происхождения и изделиями легкой промышленности, где коэффициент возможного замещения близок к единице и даже несколько превосходит ее*. Уже отсюда видно, какие отрасли потребительского комплекса испытают наиболее тяжелый шок при выравнивании внутренних цен с мировыми и погибнут, а какие могут выжить.

В целом же, поскольку замещение отечественного производства будет, очевидно, селективным, можно предположить, что уровень потребления почти не упадет, или, вернее, упадет не слишком сильно. С учетом же свертывания других направлений конечного спроса (инвестиции, закупка вооружений), где удельные затраты "конвертируемых" ресурсов намного больше, потребление может даже вырасти.

Но помимо уровня потребления цена труда, по-видимому, будет существенно зависеть от доли, которую займут в доходах населения бюджетные трансферты. А по крайней мере один из них сильно изменится против сегодняшнего уровня. Это расходы на поддержку высвобождаемых безработных. При прочих равных условиях индекс изменения оплаты труда будет связан с индексом потребления коэффициентом, равным единице плюс доля безработных, умноженная на отклонение отношения пособия по безработице к заработной плате от единицы. Ясно, что если безработица будет большой, а уровень пособий — невысоким, то стоимость рабочей силы может серьезно возрасти, даже если средний уровень потребления в стране немного снизится. Таким образом, проведенные расчеты подтверждают опасения по поводу возникновения "ловушки недопроизводства" для обрабатывающих отраслей российской экономики, высказанные выше.

в. *Влияние таможенных тарифов.* И наконец, еще один источник неопределенности последствий полного освобождения цен — таможенная политика. Очевидно, она станет главным рычагом регулирования скорости исчезновения нежизнеспособных производств, особенно если будет взят курс на ограничение выборочных субсидий и преференциальных кредитов, которые могли бы компенсировать повышение цен на топливо-сырьевые ресурсы для потребителей.

Особая роль здесь отводится экспортным тарифам на энергоносители, в первую очередь на нефть и нефтепродукты. Хотя вывозные пошлины на них введены уже достаточно давно, только теперь, с переходом к свободным ценам, эта мера при-

*Надо заметить, что потребительский рубль, как видно и из табл. 2, довольно легко в смысле затрат на него "конвертируемых" ресурсов. По сравнению с ним аналогичное по масштабам сокращение капитальных вложений с продаж сэкономленных ресурсов способно дать куда более значительный прирост потребления, а еще большее — сокращение оборонных расходов, хотя наш расчет, сделанный по оценкам, опубликованным в открытой печати, следует считать сугубо условным.

обретает смысл макроэкономического регулятора. Экспортные тарифы становятся не столько средством пополнения бюджета, сколько механизмом сдерживания и ступенчатого повышения цен на нефть и другие экспортпригодные товары. Выход на мировой уровень может быть растянут на достаточно долгий срок, который даст возможность отечественным потребителям адаптироваться к новым условиям. Теоретически определенную роль в регулировании внутренних цен на "конвертируемые" ресурсы (через механизм валютного курса) и очень существенную — в поддержании цен и рентабельности продукции потенциально импортозамещаемых отечественных производств способен играть также импортный тариф.

На самом деле об однозначно "защитительном" воздействии таможенных пошлин на состояние внутреннего рынка можно говорить лишь при определенных, достаточно жестких предпосылках. Так действительно будет, если внутренний спрос на конкурирующие с импортом отечественные товары высокоэластичен по отношению к величине ввоза. Иначе, импорт может достаточно свободно замещаться отечественным производством, и цены импортных товаров слабо реагируют на изменение их поставок на внутренний рынок. Сразу же заметим, что применительно к нашей экономике это малореалистично. Внутренний спрос на экспортируемые товары должен быть, напротив, малочувствителен к объемам вывоза: цена этих товаров на внутреннем рынке, согласно предположению, резко меняется при любых изменениях в объемах их экспорта. Учитывая структурную негибкость нашей экономики по отношению к сдвигам в сравнительных ценах издержек, а также то, что на практике из России вывозятся главным образом потребляемые в производстве сырьевые ресурсы, это допущение, пожалуй, не так уж далеко от реальности.

Строго говоря, лишь при таких условиях можно рассчитывать на то, что применение обоих тарифов совместно и каждого в отдельности даст явно выраженный протекционистский эффект. В противном случае последствия могут оказаться слишком слабыми и даже противоположными из-за вызываемых введением таможенных пошлин побочных эффектов в виде изменения валютного курса и торгового баланса. Возникновение этих эффектов можно в самом общем виде проиллюстрировать с помощью диаграмм, дающих объемы внешнеторговых операций и валютный курс как точки пересечения кривых предельной эффективности экспорта и импорта. (см. рис. 1; модельное описание отнесено в конец статьи).

На левой части рис. 1(а) расположение этих кривых (круто возрастающая для экспорта, пологая — для импорта) в основном отвечает сделанным предположениям. Повышение импортных пошлин приводит к росту курса рубля: поскольку из-за конкуренции отечественных товаров импортный тариф не удастся полностью переложить на цены, то примерно пропорционально его изменению снижается доходность покупки валюты за рубли для импортных операций. В результате роста курса рубля внутренние цены на необлагаемую пошлиной импортную продукцию и на конкурентоспособное на мировом рынке сырье падают, а рентабельность внутреннего производства растет. Но, как уже отмечалось, такой механизм для нашей сегодняшней экономики малореалистичен*.

Зато вполне правдоподобно, что при незащищенности большей части импорта отечественной продукцией (т.е. кривая предельных доходов от импорта почти как на правой части рис. 1(с) — довольно крутая), кривая предельных издержек и цен для экспорта именно такая, как в левой части — внутренний спрос на экспортируемые товары неэластичен по цене. Тогда более жесткий экспортный тариф приведет к понижению цен сырья на внутреннем рынке, также способствуя росту рентабельности его переработки. Существенного падения курса рубля, которое могло бы нейтрализовать влияние ужесточения пограничного налога на внутреннюю цену,

*Это не исключает возможности использования дифференцированных импортных тарифов для защиты отдельных рынков, например, сельскохозяйственной продукции, где можно предположить высокую степень заменяемости импорта собственным производством.

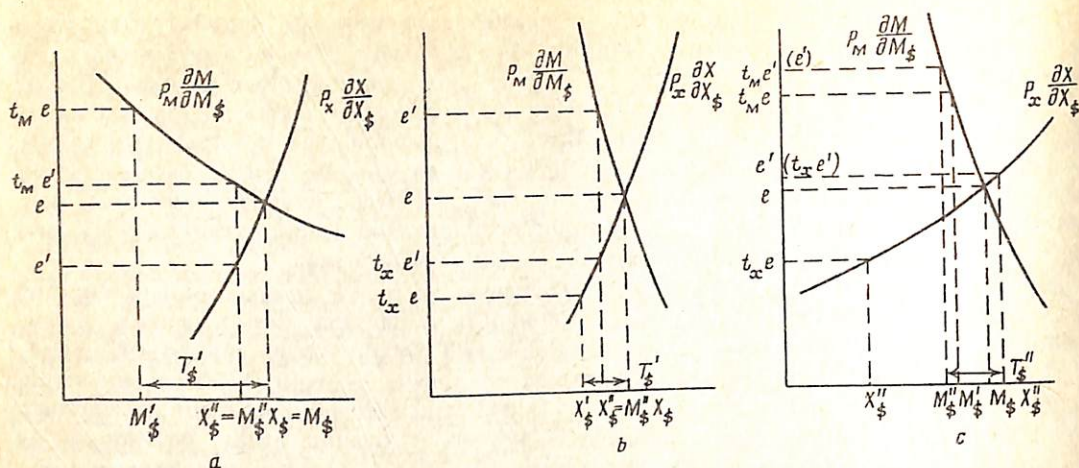

Рис. 1. Возможность регулирования внутренних цен на сырьевые ресурсы с помощью таможенных тарифов в зависимости от эластичности кривых спроса на экспортируемые и импортные товары:

a — идеальный для применения тарифов случай, когда импорт реагирует на их введение изменением объемов, а экспорт — изменением цен, так что импортный тариф вызывает повышение курса рубля, а экспортный — оставляет его без изменения; и то, и другое ведет к снижению внутренних цен на сырье; *б* — более реальная ситуация, когда изменение импортного тарифа неэффективно (курс рубля не растет), но экспортный — все еще действует (падение курса недостаточно, чтобы нейтрализовать влияние экспортного тарифа на внутренние цены сырья); *с* — неблагоприятный случай для использования таможенных регуляторов; изменение импортного тарифа не повышает курс рубля, а экспортного компенсируется падением курса

в данном случае не происходит. Поскольку из-за неэластичности внутреннего потребления экспортных товаров, само оно, как и вывоз, меняется мало, а торговый баланс должен остаться примерно на первоначальном уровне, то и импорт не упадет слишком низко. Если кривая снижения предельных доходов от импорта все же не слишком крутая, то это возможно лишь при не очень заметном снижении курса рубля (см. рис. 1(в)).

Рис. 1(с) — это случай, когда не только (единый) импортный, но и сырьевые экспортные тарифы "не срабатывают". Импортный тариф приводит не к замещению ввоза собственным производством и повышению курса рубля, а к переносу тарифа на цены ввозимых товаров. При этом рубль растет по отношению к иностранной валюте незначительно или даже падает, поскольку повышенный тариф увеличивает общую массу налоговых поступлений в бюджет; в результате совокупный внутренний спрос уменьшается* и торговый баланс "активизируется", а это не может происходить при существенном повышении курса рубля. (В ситуации, изображенной на рис. 1(а), этого не происходит: введение таможенной пошлины увеличивает не цены импортных товаров, а долю их отечественных субститутов, в общем внутреннем потреблении. В результате совокупный спрос не снижается, масса налогов, выплаченных потребителями, не увеличивается, а падение импорта будет компенсировано сокращением экспорта и ростом внутренней переработки сырья. Это означает переход в новое равновесие с более высоким курсом рубля.)

Аналогично, и применение экспортного тарифа на вывозимые сырьевые ресурсы может в данной ситуации привести к падению курса рубля, в результате которого внутренние цены на экспортируемые товары установятся на почти таком же высоком уровне, как были бы и без тарифа. Здесь начинает действовать механизм понижения курса, без чего возник бы острый дефицит торгового баланса. На самом

*Если только — мы это предполагаем — не увеличивается общественное потребление за счет (возросших) бюджетных средств.

деле, так же как и при введении импортных пошлин, экспортный тариф в данной ситуации переводит экономику в новое равновесие более активным балансом внешней торговли из-за усиления налогового пресса и сокращения совокупного внутреннего спроса. (В рассмотренном выше случае сильно "активизироваться" торговому балансу — за счет падения импорта — при экспортных пошлинах не дает падение внутренних цен на сырьевые ресурсы, означающее уменьшение массы налогов, которое компенсирует рост доходов бюджета от внешнеторговых операций. А достаточно высокая чувствительность ввоза к изменениям валютного курса* не позволяет этому курсу сильно упасть без заметного снижения импорта.)

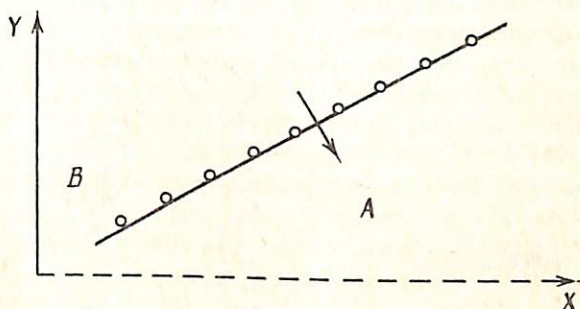

Рис. 2. Граница "зоны конкурентоспособности" развития обрабатывающих отраслей в зависимости от цены труда и таможенных барьеров для экспорта сырья.

Стрелка указывает направление смещения этой границы при изменении соотношения между курсом доллара и стоимостью инфраструктуры в сторону последней; X — тарифы для экспортеров сырья; Y — цена труда по отношению к стоимости "потребительской корзины"; A — переработка сырья в стране в среднем рентабельна (низкие цены на сырье); B — нерентабельна

Влияние всех трех "факторов неопределенности" — валютного курса, цены труда, таможенных тарифов — можно суммировать так, как это показано на рис. 2 и в примечаниях к нему в приложении. На нем представлена "зона рентабельности" развития в стране конкурирующих с импортом перерабатывающих производств, т.е. всевозможные сочетания стоимости рабочей силы (по отношению к уровню потребления) и вывозных пошлин, для которых эти производства по крайней мере неубыточны при конкурентных ценах.

При весьма грубых, но, как свидетельствует проведенный анализ, до известной степени правдоподобных предположениях (а именно: уровень потребления остается примерно одинаковым независимо от того, какое количество перерабатывающих производств будет в итоге свернуто; общий импортный тариф не повышает курса рубля и не влияет на цену реализации отечественных товаров, определяемую как произведение мировой цены на валютный курс, и стало быть, этот тариф как макроэкономический регулятор можно не принимать во внимание; тарифы на экспорт сырья не снижают курса рубля) эта "зона конкурентоспособности" (или рентабельности) достаточно проста. Ее границей будет прямая на плоскости всевозможных сочетаний стоимости рабочей силы и налогов на экспорт. Чем выше цена труда по отношению к уровню потребления (а при фиксированных налогах на заработки и потребительские расходы на эту разницу можно воздействовать, варьируя долю бюджетных социальных трансфертов в доходах населения, в том числе и пособий по безработице) и меньше экспортные пошлины, тем уже "зона" конкурентоспособных производств и для большей их доли банкротство станет наиболее вероятным итогом "открытия" экономики.

*Даже в ситуации рис. 1 (в), если кривая падения предельной эффективности импорта все же не очень крута,

**Изменения оптовых цен, валютного курса, зарплаты, прибыли
в результате "открытия" экономики России
1990 г. = 1**

Отрасли	Варианты*			
	таможенные тарифы не применяются		введен 50%-ный тариф на экспорт	
	цены	прибыль	цены	прибыль
Черная металлургия	22,5	20,7	14,3	8,2
Цветная металлургия	30,6	48,5	19,5	27,2
Угольная промышленность	18,2	-9,1	11,6	-18,5
Нефтегазовая промышленность	48,7	88,9	31,0	53,1
Электроэнергетика	30,2	34,5	19,3	15,6
Машиностроение	21,8	26,9	13,9	10,5
Химия	14,5	-4,0	9,2	-8,5
Деревообрабатывающая промышленность	13,2	-1,1	8,4	-9,7
Строительные материалы	20,0	17,9	12,8	-0,6
Легкая	5,7	-12,5	7,3	-6,5
Пищевая	7,7	-71,5	9,8	-74,9
Сельское и лесное хозяйство	8,7	-13,1	11,0	3,7
Строительство	15,0	2,1	11,5	1,7
Транспорт и связь	14,7	9,5	11,3	7,6
Торговля	10,2	2,5	8,9	2,1
В среднем по народному хозяйству	14,75	5,3	11,6	4,7
Вал. курс (X 6,3 руб./долл.)	2,0	-	2,6	-
Оплата труда (X 260 руб./мес.)	7,7	-	7,7	-

*Потребление и цена труда остаются такими же, как в "закрытой" экономике.

Что касается неопределенности в оценках валютного курса, то ее влияние на "границу конкурентоспособности" проявляется главным образом через соотношение цен на незамещаемую импортом "продукцию" инфраструктуры (включая строительство) и остальных, конкурирующих с ввозом отраслей. Повышение валютного курса увеличит стоимость инфраструктуры относительно замещаемых товаров и приведет к смещению этой границы "вниз-вправо", к сужению "зоны рентабельности". В свою очередь, стоимость услуг инфраструктуры будет определяться нормой прибыли в соответствующих отраслях. Поэтому чем она больше, тем выше при прочих равных условиях должен быть и курс. Таким образом, хотя первичным фактором неопределенности в этом случае, наверное, следует считать все-таки валютный курс, формально можно сказать, что "граница конкурентоспособности" определяется рентабельностью инфраструктуры. Чем она больше, тем уже "зона выживания" для перерабатывающих отраслей.

4. Рост цен на сырье и издержек в перерабатывающих отраслях при реализации их по ценам, приближающимся к мировым. Рассмотренные общие соображения дают понять, от чего зависит и в каком направлении будет меняться средний уровень рентабельности производства в отдельных секторах "открытой" экономики при вариации тех или иных предположений и(или) регуляторов. Поэтому можно ограничиться минимальным числом вариантов расчета по модели межотраслевого баланса (табл. 3) в описании модели (см. примечания), учитывая, что неопределенность любых конкретных оценок в данном случае чрезвычайно высока.

Некая крайняя точка "многогранника вариантов", от которой удобно отталкиваться в расчетах, отвечает максимально "либеральной" политике: таможенные

тарифы не применяются; реализуется вариант размена сырья на потребительские товары, в результате которого уровень потребления не падает. Пособия по безработице находятся примерно на уровне зарплаты, т.е. цена труда по отношению к стоимости потребительского набора остается на том же уровне, что и до "открытия" экономики (табл. 3). В результате привязки к мировым, а точнее, к средним внешнеторговым ценам России в наибольшей степени могут возрасти цены на продукцию нефтегазовой промышленности (относительно цен, существовавших до 1991 г., при сегодняшней — на февраль 1992 г. — стоимости рабочей силы их уровень может подняться в 50 раз), цветной металлургии и электроэнергетики — в 30. В этих отраслях переход к мировым ценам может также привести к увеличению прибыли, т.е. они сохраняют конкурентоспособность. Относительно благополучными оказываются также машиностроение, черная металлургия и промышленность строительных материалов (рост цен в 20–22 раза при аналогичном повышении прибыли). Такие отрасли будут составлять основу структуры народнохозяйственного комплекса России. Остальным угрожает вытеснение. На грани банкротства окажутся лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, а также химия. Угольная, легкая промышленность, а также продовольственный комплекс России прекратят свое существование, если не будут приняты меры по их защите и поддержке (протекционистский таможенный тариф, субсидированные цены на потребляемые энергосырьевые ресурсы и т.п.).

Конечно, реальность значительно сложнее и многообразнее, чем можно отразить в расчетах. Наверняка найдутся какие-то "рыночные ниши", для которых условия нашей страны с ее относительно дешевой рабочей силой станут особенно благоприятными. Вполне возможно, что многие предприятия выживут и даже будут процветать. Нельзя исключить и коренную перестройку структуры технологических коэффициентов в результате изменения относительных цен на элементы издержек (например, в сельском хозяйстве — переход с механической на конную тягу и дровяное отопление). В ряде трудоемких отраслей, попадающих под угрозу разорения, преобладает занятость женщин, и здесь возможно поддержание конкурентоспособности за счет снижения цены труда относительно среднего уровня. К счастливым обстоятельствам в данном случае можно отнести и то, что потребительский комплекс России, который в первую очередь может быть задет структурным кризисом, крайне слаб и неразвит как по объемам производимой продукции, так и по числу занятых в нем. Но в целом несомненно, что полная либерализация цен и валютно-торговых операций приведет, по крайней мере в первое время, к исчезновению целых отраслей и появлению значительной структурной безработицы*.

Промежуточное положение между рассмотренным вариантом "обвальной" либерализации внешней торговли и сохранением жесткого квотирования и лицензирования вывоза (по крайней мере — энергоносителей) занимает вариант с применением дифференцированных экспортных пошлин для сырьевых товаров (табл. 3). Однако эта мера, как показывают расчеты, может оказаться не в состоянии защитить перерабатывающие отрасли от убыточности. В данном случае включается механизм повышения стоимости рабочей силы относительно среднего уровня товарных цен, издержки трудоемких производств увеличиваются. В результате утечки капиталов (снизится уровень потребления, цена труда и курса рубля, одновременно повысится рентабельность переработки) относительно расширятся возможности выживания трудоемких отраслей, а удешевление инфраструктуры может повысить конкурентоспособность сельскохозяйственного производства.

5. Краткосрочные последствия полного освобождения цен. Сказанное не означает, что описанная выше структурная перестройка производства произойдет немедленно. Поначалу будет попытка перенести "освобожденные" цены сырьевых ресурсов на цены всех остальных отраслей. Если бюджетная и монетар-

*В перечисленных "угрожаемых" отраслях промышленности занято около 7 млн. чел. (порядка 10% общего числа работающих в России). С учетом сельского хозяйства эта доля может подняться до 19–20% от среднегодовой численности занятых.

ная политика окажется жесткой, это приведет к резкому усилению "кризиса взаимных неплатежей" из-за ограниченности конечного спроса. Вряд ли будет сразу осознано, что это не очередной монетарный (дефляционный) шок, а начало структурного кризиса. Причину его станут искать в недостатке кредитов, в том, что темпы роста денежной массы отстали от темпов повышения цен. Проинфляционное давление на правительство и управление денежным обращением усилятся. Но даже если они в итоге "сломаются", то это не даст ничего, кроме вползания в гиперинфляцию, в которой даже реально убыточные отрасли смогут выглядеть прибыльными из-за обесценения амортизации, налоговых отчислений и расходов на зарплату. Поэтому, наиболее вероятный ближайший итог попыток "открыть" экономику — сложное лавирование в узком коридоре между гиперинфляцией и "гиперрецессией", исход которого определится не требованиями экономической целесообразности, а расстановкой сил различных "групп давления".

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Нынешний и особенно предстоящий дальнейший спад экономики не объясняется одной только конъюнктурной реакцией производства на дефляционные шоки, вызванные, в частности, освобождением цен. Он носит скорее характер глубокого структурного кризиса. И в этом состоит одно из коренных отличий хода российских реформ от развития событий, скажем, в послевоенной Германии, где стояла лишь задача восстановления нарушенного экзогенным шоком (военным поражением) нормального уровня загрузки производственных мощностей. Поэтому не стоит рассчитывать на прекращение рецессии в месяцы, а скорее всего, и годы. Судя по всему, это всерьез и надолго, если только крупные иностранные инвестиции не потекут в страну еще до того, как ее экономика дойдет до нижнего предела падения. Так что со стороны правительства речь может идти не об очередной "антикризисной программе", а о некоторых разумных действиях по организации отступления. Что же следует делать?

1. Разработать государственную программу поддержки сырьевого экспорта. Прежде всего, надо попытаться использовать спад производства для его модернизации и расширения экспорта. Россия в любом случае будет испытывать в обозримой перспективе сильную зависимость от сырьевого экспорта, и неважно, станем ли мы пытаться оградить наши перерабатывающие отрасли таможенными барьерами или допустим их разорение. Какая бы политика ни проводилась, адекватное замещение импорта отечественным производством нереально: производственная база промышленности, как мы видели, не соответствует структуре потребностей; комплекс отраслей, непосредственно работающих на потребителя, слаб и к тому же сам испытывает сильную зависимость от ввоза; на селе идет стремительная деградация производственного аппарата, которую трудно будет возместить в короткие сроки*.

Учитывая это, программу увеличения нефтяного экспорта на какой-то период следовало бы рассматривать как непереносимое условие выживания российской экономики. Даже если не предпринимать никаких специальных усилий, добыча нефти (с газовым конденсатом) в 1992 г. может составить 450–480 млн. т. Правительство, по-видимому, не должно слишком заботиться вывоз значительной части этих ресурсов за рубеж. Надо лишь постараться, чтобы: 1) вырученная валюта не осталась целиком в западных банках, а была использована для импорта потребительских товаров и 2) необходимая часть нефтяных доходов попала в госбюджет и была направлена на пособия работникам (точнее, уже "безработникам") тех отраслей, которые встанут из-за непоставки нефтепродуктов, в частности, села. Как показывают расчеты, общий уровень потребления в итоге может даже возрасти.

*Так, поголовье крупного рогатого скота сократилось в 1991 г. на 5%, овец — на 9%, свиней — на 19%.

Сегодня по официальным данным бездействует 21 тыс. нефтяных скважин. По экспертным подсчетам, их как минимум в 2 раза больше. Ожидается, что привлечение инофирм к ремонту скважин даст дополнительно 20 млн. т. нефти, из которых лишь 15–20% пойдет на оплату услуг зарубежных партнеров. Возможна организация торгов на разработку месторождений. Спад создает также благоприятные условия для модернизации ряда других экспортных или, по крайней мере, импортозамещающих производств, поскольку снимается нагрузка с устаревших и изношенных производственных мощностей. Реконструкция может быть проведена достаточно быстро, если к ней удастся привлечь иностранный капитал.

При условии расширения валютных поступлений и увеличения импорта сырья и комплектующих можно ожидать стабилизации в отдельных конкурентоспособных подотраслях легкой и пищевой промышленности. Таким образом, возможно минимизировать неблагоприятное воздействие падения производства на уровень жизни в стране и инвестиционный процесс, а если повезет, то и достичь заметного улучшения ситуации на потребительском рынке уже в будущем году, несмотря на продолжающийся спад. Не следует забывать, что в прошлом, поставляя на экспорт не более 15–20% ресурсов нефти и газа, страна имела довольно приличный уровень потребления при почти столь же плачевном, как сегодня, состоянии хозяйства.

Конечно, легко заметить, что реализация указанных мер на какое-то время направит российскую экономику по слегка "кувейтскому" пути развития. Но в этом, по-видимому, и будет состоять единственно приемлемая структурная политика на ближайшие годы. И если перестать мерить, как прежде, успехи в руководстве экономикой тоннами производимого ржавого железа, то такой путь может оказаться в нынешних обстоятельствах наиболее рациональным.

2. Р а с т я н у т ь к р и з и с в о в р е м е н и. Несмотря на неизбежность "структурного шока", связанного с открытием экономики, стоило бы по крайней мере в первое время проводить умеренно-протекционистскую политику в расчете на постепенную, по возможности более мягкую трансформацию структуры производства. С чисто экономических позиций вариант развития, предполагающий немедленное свертыwanie всех оказавшихся неэффективными по критериям мирового рынка производств и продажу высвобождающихся ресурсов за рубеж, может показаться более выгодным для населения, особенно если ограничиться краткосрочными последствиями. Однако социальная цена, которую придется заплатить за такой "успех", очевидна и слишком высока. Это распад складывавшихся десятилетиями производственных связей и структур; неизбежная деградация и маргинализация значительной части нации, образующей многомиллионный контингент безработных; резкая имущественная дифференциация населения. Так что "холодный душ" мирового рынка вполне может оказаться убийственным для нашей, сконструированной для работы в совсем иных условиях экономики.

С точки зрения долгосрочных целей безусловно необходимо закрытие тех отраслей, которые в мировых ценах нерентабельны, что и будет означать оптимизацию структуры производства. Но существующей структуре нужно дать шанс и время на адаптацию. При благоприятном стечении обстоятельств иностранный капитал может пойти в нашу экономику еще до погружения ее на дно кризиса. В этом случае, уже имеющем аналог в нашей истории — именно так проходила первая, "виттевская" индустриализация России, задача постсоциалистической реструктуризации была бы решена, конечно, со значительно меньшими социальными издержками. К тому же в долгосрочном плане, с учетом полной стоимостной оценки невоспроизводимых ресурсов, а не только непосредственных затрат по их извлечению, каким привыкли руководствоваться мы, сырьевая ориентация экспорта вовсе не так эффективна, как кажется на первый взгляд. Наконец, постепенность в разрушении отечественной обрабатывающей промышленности, если уж ей и суждено погибнуть в огне реформ, нужна также и потому, что все потенциально высвобождаемые ресурсы не удастся переориентировать на внешние рынки сразу. Кризис недопроизводства

может перекинуться также и на сырьевой сектор и принять более широкие масштабы, чем это диктуется соображениями эффективности.

Поэтому, при всей оправданности быстрого и даже шокового демонтажа одних элементов государственного контроля (либерализация цен для достижения рыночного равновесия и выравнивания бюджета, отмена валютных ограничений, демонополизация и коммерциализация госпредприятий), отказ от других требует скорее градуалистского подхода, т.е. постепенности, плавности, возможности "обратного хода" при возникновении нежелательных побочных эффектов. К числу таких механизмов, безусловно, относятся импортные и особенно экспортные тарифы и квоты на вывоз определенных видов сырья. Как показывает анализ, на экспортные сырьевые тарифы должна лечь основная работа по сдерживанию потенциально разрушительных структурных процессов, связанных с открытием экономики.

3. Избежать повторения опыта развала СЭВ в отношениях с бывшими союзными республиками. Слишком поспешный, непродуманный демонтаж механизма торговли в рамках СЭВ должен послужить уроком для дезинтегрировавшегося СССР вообще и для России в особенности. Последней необходимо как можно скорее уяснить для себя ряд вопросов, касающихся будущих взаимоотношений с бывшими республиками:

а) целесообразный платежный механизм в торговле с ними: рубли, клиринг, СКВ (как чисто теоретическая возможность);

б) тесно примыкающий к предыдущему вопрос о целесообразности превращения рубля в национальную российскую валюту (т.е. перевод национальных банков республик из режима эмиссионных центров в режим обычных коммерческих банков, осуществляющих рефинансирование в Банке России на общих условиях и подчиняющихся резервным требованиям), исходя из реальной оценки опасности безналичной экспансии и наличных рублевых интервенций со стороны бывших республик;

в) целесообразность продолжения субсидирования бывших республик: торговыми (через цены), льготными рублевыми и валютными кредитами с учетом оценки опасностей падения производства в них для российской экономики;

г) технические и экономические возможности переключения вывозимых в бывшие республики "конвертируемых" ресурсов на третьи рынки. Иначе может случиться так, что все эти вопросы придется решать в "пожарном" порядке, а крайне уязвимый российский потребительский рынок в результате разрыва связей с бывшими республиками переживет еще один шок, по силе сравнимый с прошлогодним, последовавшим за провалом импорта.

Примечания.

К табл. 2. В качестве ресурсов, которые в случае замещения отечественных потребительских товаров импортными могли бы быть высвобождены и экспортированы, условно приняты все виды продукции ТЭК, черной и цветной металлургии, химии, лесоперерабатывающей промышленности и строительные материалы. К потенциально замещаемым импортом потребительским товарам отнесены все виды продукции машиностроения, легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства (т.е. все остальные позиции МОБ, кроме перечисленных сырьевых, а также инфраструктурных отраслей; потребление этих видов продукции, не замещаемых импортом, по предположению, остается неизменным). Расчет коэффициентов замещения основан на средних внешнеторговых ценах СССР 1989 г. [6, с. 32–35], что делает его весьма уязвимым: конечно, появление на мировом рынке дополнительно больших партий сырья может сбить его цену, а массированный импорт потребительских товаров — сделать их более дорогими.

К рис. 1. При равновесии на валютном и внешнеторговом рынках предельная эффективность экспортно-импортных операций равна валютному курсу, скорректированному на таможенные пошлины: $P_x \partial X / \partial X_\$ = t_{xe}$, $P_m \partial M / \partial M_\$ = t_{me}$, где X ,

$X_{\$}$, M , $M_{\$}$ — экспорт и импорт в физическом объеме в руб. при некоторых фиксированных ценах и в долл.; P_x , P_m — уровни внутренних цен на экспортируемые и импортируемые товары, зависят от объемов ввоза и вывоза, например, $P_x = P_x(X_{\$})$; $t_x = 1$ — экспортный тариф в процентах от цены, а в случае импорта $1 + \text{тариф}$; e — курс доллара в руб. Очевидно, в этих уравнениях достаточно задать таможенные тарифы и одну из величин: торговый баланс $T_{\$} = X_{\$} - M_{\$}$ или валютный курс e , чтобы получить из них все остальные переменные.

В исходном состоянии внешней торговли здесь для простоты таможенные пошлины не берутся совсем, а импорт в долл. сбалансирован с экспортом. При этом валютный курс, уравнивающий объемы внешнеторговых операций, дается просто пересечением кривых их предельной эффективности.

Введение тарифа, скажем, на ввозимые товары при неизменной величине валютного курса привело бы к падению импорта до уровня $M'_{\$}$ и увеличение активного сальдо внешнеторговых операций до $T'_{\$}$. Однако одновременно будут задействованы два разнонаправленных механизма: а) восстановления первоначального торгового баланса из-за перемещения части внутреннего спроса с импортных на отечественные товары и сокращения их экспорта, что ведет к повышению курса рубля*; б) сокращения совокупного внутреннего спроса, вызванного дополнительным налогом на импорт и расширение экспорта, которое должно уравниваться понижением курса. Влияние двух этих механизмов может быть различным по силе в зависимости от эластичности, т.е. "крутизны" кривых предельной эффективности торговых операций в разных вариантах показанной на рис. 1, а рубль поднимется или снизится по отношению к доллару до величины e' .

Механизмы, приводимые в движение введением тарифа на экспорт, совершенно аналогичны, с той лишь разницей, что теперь и первоначально возникающий пассив торгового баланса, и снижение внутренних цен в результате сжатия совокупного спроса окажут понижательное давление на курс рубля с большей или меньшей силой, которая будет определяться характером кривых.

К рис. 2. В экономике, открытой для конкуренции с импортом, уровень цен на продукцию обрабатывающих отраслей, как и на экспортпригодное сырье, через валютный курс e привязывается к мировым ценам $P_{\$}$. Конкурентоспособность означает, что цены могут покрыть издержки по оплате сырья и труда при неотрицательной норме прибыли E . В простейшем случае, если бы не было неконкурирующих с импортом инфраструктурных отраслей, она определялась бы условием: $eP_{\$} = (1-n)eP_{\$}A + WeP_{\$}CL + EeP_{\$}K$, где A , L , K — затраты сырья, труда, капитала; C — среднедушевое потребление, которое предполагается независимым от конкурентоспособности обрабатывающего сектора; W — стоимость рабочей силы в "потребительских корзинах"; n — налог на экспорт сырья. При $E = 0$ это уравнение дает прямую на плоскости (n, W) , ограничивающую "зону конкурентоспособности".

С учетом того, что "продукция" инфраструктурных отраслей не замещается импортом и ее цена P не конкурирует с мировой, в ценах издержек производства в данном уравнении везде следовало бы заменить $eP_{\$}$ на $(1-a)eP_{\$} + aP$, где веса затрат на инфраструктуру a , естественно, различны для сырьевых, потребительских и капитальных расходов. Сдвиг пропорций между курсом доллара и стоимостью "продукции" инфраструктуры в сторону последней (что может быть вызвано, например, падением доллара по отношению к рублю) приведет, как легко видеть из уравнения, к росту издержек на единицу продукции обрабатывающего сектора и сужению области его конкурентоспособности.

Соотношение между курсом валюты и стоимостью инфраструктуры определяет и складывающуюся в последней норму прибыли E_1 , как видно из аналогичного рас-

*Здесь и далее имеются в виду изменения валютного курса рубля относительно уровня товарных цен: падение импорта вызовет их повышение, в результате которого относительный курс рубля вырастет, а сжатие внутреннего спроса — падение цен и, соответственно, "реального" курса рубля, хотя его номинальное значение может остаться неизменным.

смотренному выше уравнения: $P = [(1-n)eP_{\$} + P]A + W[eP_{\$} + P]CL + E_1[eP_{\$} + P]K$, где для простоты опущены показатели удельных весов инфраструктурных и "конкурирующих" (с импортом) отраслей в издержках. Отсюда, поскольку средняя норма прибыли в инфраструктуре должна лежать в некотором достаточно узком диапазоне (скажем, между 5 и 20%), можно получить некоторые представления о потенциальных границах валютного курса при открытии экономики, которые и приводились выше.

К табл. 3. Модель прогноза структуры цен представляет собой не что иное, как приведенные в предыдущем примечании уравнения, только составленные относительно векторов цен: мировых для "конкурирующих" отраслей* и внутренних — для инфраструктурных, и наполненные данными таблицы межотраслевого баланса в оптовых ценах производителей, включая коэффициенты занятости и основных фондов по отраслям. В составе издержек (и текущих, и инвестиционных) выделены также импортные затраты по видам продукции, которые корректируются на определяемый в ходе расчетов индекс валютного курса. Поскольку эта система уравнений допускает возможность произвольного выбора общего уровня цен, он был установлен таким, чтобы средняя заработная плата примерно соответствовала нынешнему (около 2000 руб./мес). Норма прибыли в инфраструктуре условно принималась равной 5%.

Реальные уравнения цен и доходов, в отличие от теоретических, приведенных выше, должны включать также разнообразные трансфертные платежи: акцизы, подоходные налоги, пенсии, "утечку" части доходов населения в сбережения и т.п. Все это делается стандартно. Отметим только, что в составе материальных затрат учитывается налог на добавленную стоимость в отраслях-поставщиках. Для этого к каждому элементу x_{ij} таблицы в постоянных ценах (включая и конечный спрос) добавляется $k_{vat}(x_{ij} - \sum_k m(x_{ik}x_{kj}/x_k))$, где k_{vat} — ставка налога на добавленную стоимость (в расчетах 28%).

ЛИТЕРАТУРА

1. Муйжель Я. К вопросу об антирецессионной политике // *Вопр. экономики*. 1991. № 11.
2. Тейлор Л. Невеселые мотивы постсоциалистического развития // *Мировая экономика и международн. отношения*. 1991. № 12.
3. Repaying Soviet Debt // *The Economist*. 1991. Nov. 23—29.
4. Смыслов Д.В. Проблемы участия СССР в мировой валютно-финансовой системе // *Деньги и кредит*. 1991. № 2.
5. Платежный баланс СССР и России // *Экон. газета*. 1992. № 6.
6. Народное хозяйство РСФСР в 1990 году. М.: Респ. информационно-издательский центр. 1991.
7. Журавлев С.Н. О проблемах перехода к открытой экономике // *Экономика и мат. методы*. 1990. Т. 26. Вып. 4.
8. Экономика стран-членов СНГ в 1991 г. Доклад № 2 по данным статистических служб СНГ. 22 янв. 1992 г. М.: Госкомстат, 1992.
9. Народное хозяйство СССР в 1990 году. Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика. 1991.

Поступила в редакцию
24 III 1992

*Практически используются средние внешнеторговые цены СССР 1989 г. [6, с. 32—35]: импорт — для перерабатывающих отраслей, экспорт — для сырьевых.